

В. Д. Огоевский
Зephyроты

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCCLXXXI

Salamandra P.V.V.

**В. Ф.
ОДОЕВСКИЙ**

ЗЕФИРОТЫ

Фантастическая литература:
Исследования и материалы

Том V

Salamandra P.V.V.

Одоевский В. Ф.

Зефироты. Подг. текста и сопровод. статья С. Шаргородского (Фантастическая литература: Исследования и материалы. Том V). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2021. — 63 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCLXXXI).

Книга впервые за долгие годы знакомит широкий круг читателей с изящной и напумевшей в свое время научно-фантастической мистификацией В. Ф. Одоевского «Зефироты» (1861), а также дополнительными материалами. В сопроводительной статье прослеживается история и отголоски мистификации Одоевского, которая рассматривается в связи с литературным и событийным контекстом эпохи.

© S. Shargorodsky, состав, подг. текста, статья, 2021

© Salamandra P.V.V., оформление, 2021

В. Ф. Одоевский

ЗЕФИРОТЫ

На днях получена здесь *Chiapas Advertiser* — газета, издающаяся в Шиапе (между Мексиканским заливом и Великим океаном). Это — газета совершенно местная, не выходявшая из границ своей маленькой провинции; при множестве существующих здесь газет, едва знали о ее существовании; но теперь она обратила на себя общее внимание рядом статей под общим названием: «Замечательная игра природы». Нам посчастливилось получить любопытнейшие номера этой газеты разных годов, и мы спешим сообщить в хронологическом порядке некоторые выписки о предмете столь странном, что не знаешь, чему верить и чему не верить: дело идет не более, или не менее, как о появлении совершенно новой, странной и небывалой на земном шаре породы животных.

...В одном из семейств, живущих на границе Юкатана, произошло событие, представляющее совершенно неожиданную физиологическую задачу. Родилось дитя безногое: это не новость, — такие примеры бывали; но вот что любопытно. Верхняя часть этого дитяти, т. е. голова, шея, руки, грудь образованы вполне и вся эта часть туловища даже очень красива; но затем у ребенка нет и следов ни ног, ни живота; с самого рождения, у оконечности спинного хребта с обеих сторон ребер были замечены два небольшие отростка; должно думать, что эти отростки суть неразвившиеся ноги, как это часто бывает у несчастных уродов. Что странно, дитя ничего не ест, сколько ни употребляли к тому усилий, а лишь припадает к матерней груди; оно, видимо, неспособно принимать какую-либо пищу; посему полагали, что этот ребенок умрет через несколько дней, но вот прошли уже два месяца, а ребенок жив, здоров и весел: явление, очень любопытное и возбуждавшее внимание многих из здешних ученых, которые постоянно следят за развитием этого странного существа. От

времени до времени мы будем сообщать нашим читателям наблюдения, производимые над этой игрой природы.

Наши читатели, верно, помнят известие, сообщенное нами о безногом ребенке; вот уже скоро год, как этот несчастный все еще жив и, по-видимому, пользуется совершенным здоровьем, хотя — необъяснимое дело — донны не принимает никакой пищи; во всем другом он ничем не отличается от детей его возраста. Он узнает родных, улыбается; очень любит цветы, особенно душистые: жадно хватается за каждый цветок, прижимает его к губам, но если цветок не душистый, то бросает его, с душистым же цветком, как напр. с розой, не расстаётся до тех пор, пока цветок не завянет; тогда он бросает его и ищет другого. Отростки у ребер значительно увеличились и приняли странную форму: они сделались продолговатыми и в них образуется род маленького колена; впрочем, нет никакой надежды, чтоб из этих отростков могло образоваться что-либо похожее на ноги; несчастное дитя никогда не будет в состоянии ходить иначе, как на руках.

Через два года. В безногом ребенке, обращающем теперь на себя общее внимание, на днях произошла замечательная перемена: отростки у ребер, в течение первого года едва заметные, в последнее время развились значительно, выросли почти на аршин и образовали род коле-

на, свободно сгибающегося. Этих странных оконечностей нельзя было сравнить ни с чем иным, как разве с ногами огромной лягушки, но несчастный ребенок никогда не опирался на них, ограничиваясь для движений лишь руками; засыпая, он сгибал свои спинные оконечности. Но на днях заметили, что отростки начали покрываться пухом, после которого появились перья, похожие на те, какие бывают у едва родившегося цыпленка.

...По полученным сегодня известиям из Юкатана, безногий ребенок не есть единственное произведение природы. Недавно один охотник в горах заметил целую стаю птиц огромного размера, которые с шумом, довольно приятным и похожим на пение, перелетали с одной скалы на другую; он прицелился было в них из ружья, но внезапная боль в руке, как бы от обжоги, заставила его бросить ружье. Можно представить себе его удивление, когда стая того, что он принимал за птиц, начала спускаться к нему ближе и он заметил, что то были... крылатые существа с человеческими лицами. К сожалению, охотник не мог хорошенько рассмотреть их, ибо, испугавшись, бросился бежать; стая этих странных существ понеслась за ним, долго над ним носилась на довольно большой высоте и оставила лишь тогда, когда охотник добрался до города.

Многие здесь не верили этому повествованию, полагая, что оно принадлежит к обыкновенным охотничьим выдумкам, но скоро жители города могли собственными глазами удостовериться в справедливости слов охотника. Стая крылатых существ не только пронеслась над городом, но некоторые из них опускались столь низко, что можно было явственно различить огромные крылья, а между ними человеческие лица и руки. Некоторые из жителей города, посмелее, схватились за ружья и намеревались принять залпом этих воздушных незваных гостей, но всякий, кто только поднимал ружье, чувствовал

сильную боль или в руке, или в лице, как бы от обжоги, что также согласно с рассказом охотника. Явление, совершенно непонятное, которого, может быть, никогда не удастся объяснить, ибо как войти в сношение с этими странными существами, которые летают очень быстро, спускаются к земле лишь на минуту, с любопытством обглядывая все окружающее, и потом снова взвиваются на огромную высоту. Будем ожидать новых известий об этой дивной породе, к которой, без сомнения, принадлежит и наш безногий ребенок. Действительно, мы живем в чудном веке: но никогда ничего подобного нельзя было ожидать. Ученые бросились искать в старых книгах, не было ли чего подобного в прежние века, но до сих пор все их усилия остаются тщетными; некоторые полагают, что эта порода и прежде существовала и что именно эти существа древние разумели под именем зефиротов. Но это весьма неверно.

Загадка до некоторой степени объяснилась. На днях Марианна К***, дочь здешнего садовника, лет десяти, гуляла по лугу; собирая цветы в корзинку, она зашла довольно далеко от дома; вдруг над нею что-то зашумело, она подняла голову — говорим по ее рассказам, ибо при ней никого из взрослых не было — над нею неслась стая больших птиц, как она их называла. То были просто так называемые зефироты.

Спустясь ближе к девочке, зефироты подняли на воздух и ее и корзинку. Впрочем, они несли несчастную очень бережно и дружно поддерживали на лету. Долетев до высокой неприступной скалы, зефироты остановились на самой ее вершине, где, как Марианна рассмотрела впоследствии, было множество низеньких избушек,

вроде навесов над какими-то гнездами, искусно сделанными из мха, коры и листьев. Здесь, в одно из таких гнезд, зефироты посадили испуганную девочку и разными ласками старались ободрить ее. Ее корзинка обратила особенное внимание этих получеловеков; они нюхали цветки один за другим, иные бросали, другие принимали с знаками большой радости. Перебрав всю корзинку, они уселись, если можно так выразиться, вокруг Марианны и затянули какую-то непонятную, но приятную песню, показывая Марианне отобранные ими цветы. Испуганная девочка никак не могла понять, что это все значит.

Между тем, наступила ночь; зефироты уложили ее в одно из гнезд большой величины; двое поместились вместе с нею и прикрыли ее своими крыльями. Усталая девочка скоро заснула: она рассказывала, что, несмотря на холод, всегда господствующий на такой высоте, ей было очень тепло под ее странным покрывалом. С восходом солнца зефироты опять обступили Марианну и опять что-то запели, показывая ей цветы. Что им говорила девочка, они, по-видимому, не понимали, хотя очень прислушивались к ее словам, выражая удивление. Наконец, они снова подняли ее на руки, понесли и опустили на тот луг, где схватили ее вчера. Затем они дали ей в руки ее корзинку, снова запели, показывая ей цветы, и быстро взвились на воздух. Избавившись от своих похитителей, Марианна бросила корзинку и, разумеется, пустилась бежать домой. Но на сей раз ей это не удалось: похитители остановили ее на бегу, снова подняли на воздух и на более далеком расстоянии опустили уже посреди луговой степи. Один из зефиротов, напевая, указал Марианне на цветок, поблизости находившийся, сорвал его, дал ей в руки, потом положил его в корзинку и мгновенно взвился на воздух. Марианна поняла наконец, что от нее требуют того же, и прилежно принялась рвать цветы и

класть их в корзинку. Зефиротам того, как видно, только и хотелось. Они носились над нею, а когда корзинка была полна, спустились, опорожнили ее и снова поднялись на воздух. Между тем, бедная Марианна, не поужинав вчера, несмотря на страх, который наводили на нее крылатые люди, почувствовала сильный голод и, нашедши случайно дикие бобы, принялась их есть с большим аппетитом. Это простое действие привело, по-видимому, зефиротов в большое удивление; они беспрестанно спускались на землю, смотрели на завтракавшую Марианну и снова улетали, напевая свою непонятную песню. Вдруг несколько из них отделились от стаи, полетели куда-то в сторону и возвратились с огромным запасом бананов и других плодов. Марианна, разумеется, бросилась на эту пищу с жадностью, которая привела зефиротов еще в большее удивление. Они смотрели ей в рот и, казалось, не могли понять, как могла исчезать пища. Подкрепив силы, девочка опять было решилась бежать, чтобы как-нибудь добраться до дому. Зефироты снова ее не допустили, но, видя ее сопротивление, накинули ей на шею длинную ворсину из лиан; один из зефиротов взял конец этой веревки и, придерживая ее, неся над Марианной, указывая ей, между тем, на корзину, точно как охотник, который приучает собаку носить поноску или отыскивать трюфели. Выбившись из сил, девочка с отчаяния бросилась на землю и горько зарыдала, полагая, что наступил ее последний час. Плач ее, кажется, подействовал на зефиротов: они мгновенно спустились к ней, развязали веревку, подняли девочку на воздух, принесли на луг, лежавший близ ее дома, и оставили на свободе. Ни жива, ни мертва, прибежала домой Марианна и долго от страха не могла рассказать, что с ней случилось.

Все непонятное в ее рассказе объяснилось впоследствии. Игнаций, брат Марианны, прекрасный и смелый молодой человек, решился, во что бы то ни стало, войти в

сношение с похитителями. Наложив в корзину все нужное, чтобы хорошо пообедать, и запасшись заряженным револьвером, он пошел по направлению к той скале, о месте которой он мог догадаться по рассказам Марианны.

Игнаций не замедлил встретить незваных гостей: они стаей взвились над ним, и то опускались, то поднимались, стараясь, кажется, угадать намерение смельчака. Подумав несколько, Игнаций приловчился было так, чтобы схватить рукою или подстрелить кого-либо из их крылатой стаи. Но ни то, ни другое ему не удалось: едва он вынул револьвер, как почувствовал в разных частях тела нечто вроде обжоги, за которою следовало онемение суставов; в то же мгновение быстро спустились к нему несколько зефиротов и без дальних околичностей отняли у него револьвер, корзинку, палку, и, что еще хуже, подняли его, как ребенка, на руки и понесли на самую возвышенную плоскость скалы; вместо тихого и приятного пения, о котором рассказывала Марианна, в стае раздавались грозные звуки, которые, как говорил Игнаций, напомнили ему бури, разыгрываемые сильным оркестром.

Спустившись на скалу, зефироты быстро обвязали бедного Игнация длинным побегом баучинии* так, что он не мог пошевелинуться.

Пропускаем некоторые подробности: дело в том, что Игнаций пробыл в сообществе этих странных существ более полугода; в продолжение этого времени он сумел научиться немного их языку. Вот некоторые подробности, записанные со слов Игнация.

* Из породы лиан, которой побеги окутывают большие деревья и так крепки, то тигры цепляются за них, влезая на дерево.

«Эти господа — такие же люди, как мы или, лучше, если прямо говорить, — полулюди. Несмотря на то, они имеют многие над нами преимущества: не говоря уже о крыльях, которые позволяют им летать, куда угодно, словно птицам, есть у них преимущества гораздо важнее; так, напр., они не нуждаются ни в какой пище, как мы, а питаются просто запахом цветов и плодов; как это ни странно кажется с первого взгляда, но действительно так; я в том убедился, проживя с ними более шести месяцев; в особенности они любят нюхать орхидеи и другие сильно пахучие цветы и с величайшим старанием всюду их отыскивают, что не всегда удается; по чрезвычайной раздражительности обоняния, они не могут долго оставаться близко земли; особенно им отвратительны жилища человека, а тем более города. Они не постигают, как люди могут жить в такой атмосфере. Вот почему этим полулюдям нужны настоящие люди для собирания им пищи, то есть, некоторых пород пахучих растений; эти господа попросту считают совершенно дозволенным употреблять нас на это дело почти так, как мы употребляем собак на охоте; признаюсь, это намерение мне показалось сначала очень обидным, но на поверку выходит, что, волею или неволею, а мы сделаемся их ищейками. Огнестрельное оружие они знают, сколько я мог понять; кто-то из них был уже подстрелен из карабина; с тех пор эти полулюди сделались очень осторожными в обращении с нами, но, впрочем, они огнестрельного оружия не боятся: у них есть свое, естественное, гораздо страшнее нашего; вот в чем оно состоит: глаза их одарены непонятною способностью испускать нечто вроде электрического пламени; один из этих полулюдей, когда мы поближе познакомились, по просьбе моей сделал следующий опыт: на расстоянии более тысячи шагов он одним взглядом испепелил ветвь бананового дерева;

этот выстрел глаз, как можно назвать его, в животных производит онемение, как я сам испытал это на себе. Против такого страшного оружия наши карабины ничто, ибо эти полулюди очень зорки и, подобно орлам, могут смотреть на солнце в полном его сиянии.

Говорить словами они не могут, но сообщаются друг с другом посредством какого-то пения. Наш говор им кажется очень грубым, и они его сравнивают с криком животных. Мне удалось, однако же, перенять у них несколько напевов, так что хотя с трудом, но наконец я мог с ними кое-как объясняться. Себя они называют рядом звуков, которых нельзя выразить словами; когда я сказал им, что их прозвали зефиротами, они этому слову очень смеялись, но выговорить сами никак не могли; тому, вероятно, препятствует внутреннее устройство их горла.

Есть между ними мужчины и женщины: их легко различить по бороде и по устройству груди; не могу скрыть, что они довольно часто между собою целуются; но следствие этих поцелуев совсем другое, нежели у нас: женщины делаются беременными.

При мне было несколько женщин в различных периодах беременности, и это явление так любопытно, что я не поверил бы ему, если бы не видал собственными глазами.

Самка или, если угодно, женщина носит ребенка в точном смысле *под сердцем*, т. е. в груди. В минуту разрешения, ее грудь раскрывается и в отверстии появляется детеныш; в этом зрелище нет ничего неприятного для глаз, напротив, преграциозная картина; самка нисколько не стыдится этой минуты; в это время от нее не отходят или, лучше сказать, не отлетают родные: самки и самцы, все ухаживают за родительницей. Через несколько дней детеныш выходит из груди, мать укладывает его в род гнезда из цветочных листьев и,

пока он не оперится, носит его на руках. Детеныш не сосет, но только припадает к матерней груди.

Я было свел между тамошними барышнями нечто вроде интрижки, но она очень несчастливо для меня кончилась.

Я, как видно, понравился одной очень хорошенькой зефиротке; да и я, со своей стороны, если бы она не была получеловеком, мог бы влюбиться в нее без памяти: никогда я не видывал такого прелестного бюста; лицо совершенно правильное, глаза черные, несколько продолговатые и подернутые влагою, которая придавала им невыразимую томность; маленький ротик, на щечках ямочки; темно-русые волосы, кудрями рассыпанные по обнаженным плечам; вокруг нее всегда особого рода обворожительная атмосфера, похожая на тонкий свежий запах цветника при восходе солнца; одного недоставало моей красавице — зубов, которых вообще нет у этой породы, но это нисколько не портит их вообще прекрасной физиономии; щеки их имеют гораздо более полноты и упругости, нежели наши, и потому не требуют поддержки челюстей.

Моя красавица, которой имя можно только пропеть, так полюбила меня, что мы почти ни на минуту с нею не расставались; разве когда я сходил в долину за цветами, за что моя красавица была всегда мне очень благодарна. Как скоро я заходил в чашу так, что ей не было меня видно, красавица тревожилась и кликала меня по-своему; я так привык к ее кличке, что узнавал ее посреди десятка разных звуков. Мне нечего рассказывать, что я недолго оставался связанным; как скоро зефироты заметили, что я не имею никакого злого против них намерения, они развязали меня и лишь издали за мною присматривали, а потом и совсем вверили меня моей барышне.

Признаюсь, мне было довольно грустно питаться одними плодами, особенно когда моя провизия вышла, но делать было нечего: хотя я мог несколько раз убежать, но не могу скрыть, мне тяжело было расстаться с моей красавицей, так я к ней привязался; в угоду ей я даже прятался от нее, когда мне хотелось поесть, ибо заметил, что на это действие она всегда смотрела с отвращением.

Спал я отдельно в особом гнезде; иначе не могу назвать своей постели, которую устроили мне зефироты, разорив пары три своих гнезд.

Красавица так меня полюбила, что однажды хотела положить меня с собою спать, и уже, по их обычаю, покрыла меня своими широкими, пушистыми крыльями; но родные, увидев это, стали ее бранить, а мне гневно указали на мое гнездо. Впрочем, я не понимал, чего они могли бояться; зефиротка, правда, позволяла мне целовать свои хорошенькие ручки, сама ласкала меня, но, правду сказать, ласкала меня, как мы ласкаем собаку.

Несмотря на это унижительное положение, я не мог вырваться из этого очарования, в которое приводила меня зефиротка.

Однажды, когда мы сидели друг подле друга на солнце (любимое место зефиротов), она гладила меня по голове, трепала по щекам, была так мила, так игрива, что мне захотелось поцеловать ее в губки, на что прежде, по непонятному чувству, никогда не мог я решиться. И что же? моя красавица вскрикнула и с ужасом отскочила от меня; на крик ее прилетела целая стая зефиротов; они были очень рассержены и в звуках их голоса, сколько я мог понять, было что-то очень грозное. Увы! это была последняя минута моего свидания с красавицей. Зефироты подняли меня на воздух и спустили в долину поблизости города, выражая мне с уг-

розами, чтобы я никак не смел возвращаться. Красавице, несмотря на мою дерзость, также нелегко было со мною расстаться; до сих пор я вижу ее слезы, и мне все слышится ее грустный голос на прощаньи...»

Здесь прерывается рассказ охотника; ожидаю с нетерпением новых подробностей об этом чудном событии, и как скоро получу что-либо новое, то поспешу сообщить вам.

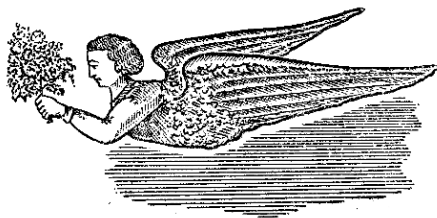
Между тем, здесь нет конца толкам; вопрос принимает серьезную форму: что делать, если зефироты или, как угодно их называйте, — словом, эти народы полулюдей размножатся? Наши средства обороны против них совершенно ничтожны; наши лучшие оружия не хватают и на половину того расстояния, с которого эти летучие люди могут своими глазами обратить человека в уголь; между тем, мы необходимы для зефиротов, чтобы им доставлять их пищу, как выше объяснено; следовательно, волею или неволею, мы должны рано или поздно сделаться послушными рабами этой чудодейной породы и уступить ей первенство на земном шаре. Положение незавидное и проч. ...

Помещая перевод из «Chiapas Advertiser» в нашей газете, долгом считаем напомнить нашим читателям, что вопрос о возможности новой, более нас совершенной породы разумных животных был уже затронут наукой. До сих пор человек был первостепенным из живых земных существ, теперь приходится ему уступить первое место *зефиротам*. Кто знает? Быть может, нам придется быть у них чем-нибудь вроде домашних животных.

Ред.

Объяснение

По неосмотрительности наборщика в статье «Зефироты», помещенной в Северной Пчеле первого апреля (№ 73-й), пропущено несколько слов в самом ее начале. Напечатано: «На днях получена здесь *Chiapas Adrvertiser*»; следует читать: «*На днях получена здесь газета Chiapas Adrvertiser за пять лет XXIX столетия, с 2857 по 2861 год*».

С. Шаргородский

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЗЕФИРОТОВ

Забывтый рассказ-мистификация В. Ф. Одоевского

Зефироты — выдуманные недавно животные, летающие по воздуху и питающиеся цветами.

И. Ф. Бурдон, А. Д. Михельсон. Словотолкователь 30,000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка, с означением их корней. М., 1866.

I

Сказать, что читатели, развернувшие в субботу 1 апреля 1861 года свежий номер 73 петербургской газеты «Северная пчела», были ошарашены — значит не сказать ничего. Под скромным заголовком «Зефироты» анонимный автор сообщал поразительное, невероятное известие. Речь шла «не более, или не менее, как о появлении совершенно новой, странной и небывалой на земном шаре породы животных» — полулюдей, полуптиц.

Создателем этой замечательной мистификации, облеченной в форму фантастического рассказа и вызвавшей в свое время немалую шумиху, был известный литератор, мыслитель, энциклопедист и сановник князь В. Ф. Одоевский (1803-1869), провозглашенный «русским Фаустом». За истекшие со времени первой публикации 160 лет о рассказе его (сам Одоевский, оговоримся, именовал свое произведение «статьей») вспоминали сравнительно редко. Для современников «Зефироты» в лучшем случае остались, если воспользоваться определением издателя «Русского архива» П. И. Бартенева, «остроумной и памятной по своему игривому изяществу шуткой». Позднейшие исследователи обращались к рассказу в основном лишь для истолкования иронически-ласкового прозвища «зефироты», которым Л. Н. Толстой наградил своих племянниц, жену и свояченицу. Не дошли «Зефироты» Одоевского и до широких кругов читателей наших дней: единственная известная нам републикация последних десятилетий сопровождала статью в малодоступном науч-

ном сборнике, где была предпринята, к слову, редчайшая попытка истолкования текста¹.

Забвение это тем более прискорбно, что внешне непритязательная вещица Одоевского, действительно изящная и чрезвычайно многогранная, достойна занять почетное место в ряду прочих фантастических сочинений писателя, равно как и в списке примечательных литературных мистификаций фантастического толка. В настоящей статье мы попытаемся проследить историю и литературные отголоски «Зефиротов», а также предложить, на основе ряда претекстов и событийного фона эпохи, определенную интерпретацию рассказа.

Мистификация Одоевского, называвшаяся в авторской версии «Замечательная игра природы», была построена как хронологический пересказ сообщений вымышленного мексиканского листка «*Chiapas Advertiser*» и отчетливо распалась на три части. В первой рассказывалось о рождении безногого ребенка с отростками у нижних позвонков; к двум годам чудо-дитя, словно питавшееся одним только воздухом, отрасли настоящие крылья, начавшие обрастать перьями. Вторая часть повествовала о появлении в небе над Юкатаном загадочных громадных птицелюдей-зефиротов и похищении ими местной девочки Марианны (зефироты два дня продержали бедняжку в плену, заставляя ее собирать для них цветы). Наконец, третья часть представляла собой рассказ брата Марианны, смелого охотника Игнация, который провел более полугода в качестве пленника и затем гостя зефиротов. Как выяснялось, зефироты — создания с человеческими торсами и головами, но с крыльями птиц — обитали в высокогорных гнездах, укрытых навесами, питались исключительно запахом душистых цветов и плодов, общались посредством пения, размножались при помощи поцелуев и были наделены способностью испускать из глаз смертоносные электрические лучи. Немалое место занимала здесь история несчастливой любви Игнация и прекрасной молодой зефиротки.

¹ Анкерия С. Зефироты Льва Толстого // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1980. Т. 26. С. 155-161.

Завершался рассказ на тревожной ноте: для поисков и сбора пищи зефиротам необходимы были люди, поскольку сами химерические существа «по чрезвычайной раздражительности обоняния» не могли надолго спускаться к земле. «Что делать, если зефироты или, как угодно их называйте, — словом, эти народы полулюдей размножатся? — вопрошал автор. — Наши средства обороны против них совершенно ничтожны; наши лучшие оружия не хватают и на половину того расстояния, с которого эти летучие люди могут своими глазами обратить человека в уголь; между тем, мы необходимы для зефиротов, чтобы им доставлять их пищу, как выше объяснено; следственно, волею или неволею, мы должны рано или поздно сделаться послушными рабами этой чудодейной породы и уступить ей первенство на земном шаре». Тему подхватывало небольшое редакционное послесловие, напоминавшее читателям, что «вопрос о возможности новой, более нас совершенной породы разумных животных был уже затронут наукой. До сих пор человек был первостепенным из живых земных существ, теперь приходится ему уступить первое место *зефиротам*».

Формулировка этого послесловия, в части эволюционной обреченности человечества, была подсказана редакции письмом автора, как явствует из мемуарной заметки «Фантазия князя В. Ф. Одоевского» журналиста и публициста П. С. Усова (1828-1888), многолетнего сотрудника, а в 1860-1864 гг. редактора «Северной пчелы»:

Первого апреля 1861 г. в «Северной пчеле» появилась в фельетоне статья под заглавием «Зефироты», в которой описывалась особая диковинная порода людей. В следующем номере было объявлено от редакции, что «Зефироты» — шутка, фантазия. Несмотря на такую оговорку, многие из сотрудников и читателей газеты сочли себя вправе сделать мне возражения и замечания, — одни за помещение в газете подобной басни, не оговорив ее немедленно, другие за то, что редакция, будто бы, зло подшутила над ними, зас-

тавив их прочитать шутку. Особенно недовольными оказались те, которые, по легковерию или по ограниченности ума, приняли «Зефиротов» за действительно существующую породу людей, недавно только что открытую в непроходимых дебрях Южной Америки. Между тем, статья «Зефироты» написана была князем Владимиром Федоровичем Одоевским и прислана была в редакцию при следующем письме на имя Павла Ивановича Мельникова (Андрея Печерского), в то время одного из главных сотрудников «Северной пчелы»:

«Не хотите ли, почтеннейший и любезнейший Павел Иванович, тиснуть 1-го апреля (в фельетоне или на задней странице “Северной пчелы”) прилагаемую шутку. Ее разгадка 2-го или 3-го апреля может быть следующая: “По неосмотрительности наборщика, под статью: «Замечательная игра природы» забыли означить, что она взята из шиапасской газеты 1-го апреля 2861 года». Между строк этой статьи находится, как увидите, намек на теорию Южных Американских штатов. Сверх того, вопрос о возможности *новой породы людей* уже был затронут наукою. Если почему-либо эта статья у вас не поместится, то возвратите мне ее, ибо, по обыкновению, у меня черновой не осталось. А между тем, все-таки мы с вами не ведаемся; хотя бы когда-нибудь заглянули вы ко мне в воскресенье, от часа до четырех. Надобно иногда словом перекинуться. Вам душевно преданный кн. В. Одоевский. 28-го марта 1861 г. Если будете печатать, то благоволите мне прислать корректуру; я продержу ее быстро; всего лучше рано (около 10) утром, или вечером поздно, чтобы я мог ее возвратить на следующий день с зарею. На кое-какие недописки или даже на промахи в слог не обращайтесь внимания; в корректуре я их не пропущу».

П. И. Мельников, препровождая ко мне статью и письмо князя Одоевского, написал на письме карандашом:

«Прикажете поместить 1-го апреля; это будет прехорошенький poisson d'avril»².

Сколько мне известно, в печати еще не было заявлено, что фантастический рассказ «Зефироты» принадлежит князю Владимиру Федоровичу Одоевскому³.

В понедельник, 3 апреля, в следующем 74-м номере «Северной пчелы» и впрямь появилось редакционное «Объяснение»: «По неосмотрительности наборщика в статье “Зефироты”, помещенной в Северной Пчеле первого апреля (№ 73-й), пропущено несколько слов в самом ее начале. Напечатано: “На днях получена здесь Chiapas Advertiser”; следует читать: «*На днях получена здесь газета Chiapas Advertiser за пять лет ХХІХ столетия, с 2857 по 2861 год*»⁴.

В остальном Усов ошибался — об авторстве Одоевского официально сообщил еще в 1866 г. журнал «Русский архив»:

В 22 номере Книжного Вестника за 1865 г. на стр. 418, в некрологической заметке о П. Г. Арканове, сказано, что этот даровитый и рано умерший человек обратил на себя внимание, между прочим, своим фельетоном о *Зефиротах*. Считаю нелишним оговорить

² Первоапрельская шутка, букв. «апрельская рыба» (*фр.*).

³ Усов П. С. Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1882. Т. 8, май. С. 318-319.

⁴ В бумагах Одоевского (ОР РНБ. Ф. 539) сохранилась несколько отличающаяся от печатного текста писарская копия рассказа, озаглавленная «Замечательная игра природы», с еще одним вариантом предполагаемого редакционного опровержения, приписанным автором карандашом: «Эту статью предполагается напечатать в номере 1-го апреля; а в следующем за тем номере сказать следующее: “По недосмотру наборщика под вчерашнею статью «Замечательная игра природы» пропущено следующее означение: «Это известие почерпнуто из Шиапской газеты 3860-го года”» (Бумаги В. Ф. Одоевского // Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1884 год. СПб., 1887. С. 4 отдельной паг.).

эту ошибку: остроумная и памятная по своему игровому изяществу шутка о новой, якобы появившейся, породе существ — Зефиротов (напечатанная в Северной Пчеле 1861 года, № 73-й суббота, 1 апреля) принадлежит перу нашего известного писателя В. Ф. Одоевского⁵.

Мистификация Одоевского произвела истинную сенсацию. Анонимный фельетонист «Библиотеки для чтения», упоминая концерты, публичные лекции и т. п., вынужден был признать: «Все эти, впрочем, проявления общественной жизни менее обратили на себя общего внимания публики, чем сделала это небольшая статейка Северной Пчелы»⁶. Прочитывая добрую половину рассказа, фельетонист описывал затем, быть может, вымышленную, но знаменательную сценку:

Совершая каждодневные прогулки наши, мы последнее время постоянно заходили в простонародные трактиры и харчевни и положительно можем сказать, что более скромного, апатичного и ничем, по-видимому, не волнующегося общества, редко там можно было встретить, но вот наконец, в позапрошлом воскресенье, входим — видим тут толпу, которая была уже выпивши. Один мужик, с окладистой бородой, что-то такое читал; на глазах у него были видны слезы. На лицах прочих выражался ужас и удивление.

⁵ П. Б. [Бартенев П. И.]. <Поправка> // Русский архив. 1866. № 2. Дополнения, заметки и поправки. Стлб. 268.

⁶ <Б. п.> Петербургский Великий Пост // Библиотека для чтения. 1861. Т. 164, апрель. Фельетон. С. 3-4. Отметим, что комментаторы многочисленных собраний сочинений Ф. М. Достоевского традиционно путают этот анонимный фельетон с фельетоном П. Горского «Истинно счастливый и практический человек нашего времени: (Исторический рассказ)», который был опубликован в *мартовской* книге журнала и, естественно, не содержал ни слова о «зефиротах». Ошибка была впервые допущена в 19-м томе 30-томного ПСС Достоевского (Л., 1979. С. 251) и с тех пор кочует из издания в издание.

— Что вы такое, ребята, читаете? — спросил я.

— Чудные люди с крыльями, батюшка, народились на земле, переставление света скоро шествует! — отвечал мне чтец, обращая на меня свои слезливые глаза и показывая мне номер Северной Пчелы, в котором была помещена статья «Зефироты».

— Разумеется, — подхватил я, — а вы еще тут пьянствуете. Там всех проберут.

— Прoberут, батюшка, проберут. По теперешним великим дням надо бы в церковь Божию ходить, грехи свои Господу Богу, коли Он примет, возложить на него... — отвечал чтец и утер слезы. Прочие только многозначительно почесались.

Народ наш ужасно не любит и боится каких-либо серьезных перемен, которые предстоят земле.

— Не пугайтесь! сказал я. — Ведь это 1-е апреля писано.

— 1-е апреля? — спросил меня чтец.

— Да — известно, такой уж день, надувают друг друга — вот и оплели вас...

Чтец заметно и сильно сконфузился...

— Сбаламутил только, черт, леший, право, — подхватили прочие ребята с укором.

— Нет, погоди, постой, — зарапортовал он, засуча рукава, — как же теперь, когда тут писано о том.

— Мало что писано; ты тоже смотри, что и наверху-то обозначено. Умен ты, видно, брат, да не очень! — заметил я ему.

— Видно, что не очень, — подхватили прочие и расхохотались. Чтец окончательно растерялся.

— Эка, братец ты мой, николи прежде со мной того не бывало... — говорил он, пожимая плечами.

— Уж я думаю, не бывало, — подхватил я и ушел. Сквозь окно я слышал еще, что товарищи продолжали его пробирать⁷.

⁷ Там же. С. 10-11.

Вдохновленный подобным успехом мистификации Одоевского, бульварно-лубочный прозаик и поэт А. К. Нестеров⁸ быстро сообразил, что железо надобно ковать, пока оно горячо. Уже 13 апреля было получено цензурное разрешение, и в свет мигом вышла наскоро состряпанная 12-страничная брошюра «Зефироты и зевороты», занятая главным образом перепечаткой рассказа Одоевского. Нестеров скрылся на сей раз под псевдонимом «А. Полоротов»⁹.

⁸ Александр Кононович Нестеров (1835 – ок. 1899), выступавший как под собственным именем, так и под псевдонимами «А. Н.» и «Нестор Око», опубликовал в 1850-1860-х гг. множество книжечек, среди которых были сказки в стихах, вирши и прозаические излияния патриотического толка («Морское сражение при Або, русских канонирских лодок с английскими пароходами», 1854, «Похождения французов и англичан в Крыму, и удачная вылазка русских из Севастополя», 1855; «Штурм Севастополя и Песня после штурма», 1855; «Взятие Карса, или Да здравствует Муравьев», 1855, «Шамиль в Петербурге: Подробное описание взятия его в плен и о его жизни и семействе», 1859 и т.п.), сборники юмористических стихотворений и рассказов, сатирические очерки и т.д. Попадались среди них и более экзотические сочинения, например «Комета 1858 года, и о явлениях комет вообще, по наблюдениям многих знаменитых астрономов» (1858), «Живая покойница или 15-тидневный летаргический сон дочери капитана С. и ее пробуждение: Рассказ, основанный на истинном происшествии» (1861). В числе прочих низовых литераторов, Нестеров упоминается в известных «Воспоминаниях пропащего человека» Н. И. Свешникова; последний приводит заглавия его книг «Живая покойница» и «Зефироты» как нарицательные.

⁹ Полоротов А. [Нестеров Н. К.]. Зефироты и зевороты. СПб.: Тип. Н. Деноткина, 1861. Т. А. Иванова называет псевдоним Полоротов «созданным не без остроумия, в подражание зефиротам. Полоротый, по Далю, — «хохотун, повеса, насмешник». Точно так же, как и каламбурное зевороты, то есть ротозей, принявшие первоапрельскую мистификацию за истинную правду» (Иванова Т. А. Зефироты В. Ф. Одоевского и Л. Н. Толстого // Русская речь. 1988. № 5. С. 26). В «Поэтике заглавий» на книжке останавливается С. Д. Кржижановский: «Более дробные удары слов о слова: <...> “А. Полоротов. Зефироты и зевороты. СПб., 1861”»: тут заглавие всеми буквами повернуто на противника» (Кржижановский С. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. СПб., 2006. С. 27). Кроме каламбурной рифмовки, псевдоним «Полоротов» также намекает на то, что

**КУХАРКА
ВЪ КРИНОЛИНЪ,
И
ЕЯ ПОХОЖДЕНІЯ.**

—
СОВРЕМЕННАЯ ПОЭМА ВЪ ІХ ПЬСНЯХЪ, ВЪ ПРОЗЪ.

А. И.

ЦѢНА 10 КОП.

—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА МЕТЦГА.
1858.

«Кухарка в кринолине» А. К. Нестерова (1858)

В брошюре «Полоротов», как и фельтонист «Библиотеки для чтения», описывал ажиотаж вокруг известия о птицелюдах:

1-е апреля было в субботу; по воскресеньям Северная Пчела не выходит, следовательно, статью эту народ читал в Петербурге во всех ресторанах, трактирах и ресторациях два дня кряду, в особенности много читателей было в воскресенье — этого было весьма достаточно для того, чтобы весть о вновь открытых крылатых людях, питающихся только запахом цветов, разнеслась повсюду, с горячими уверениями вестовщиков, что это действительная правда, потому что напечатано в газетах, со ссылкой на затронутие этого вопроса наукой и т. д. А так как, при всем этом, нынче такое время, что все и диковинки становятся не в диковинку, то девять десятых народонаселения в Петербурге уверовали в истину открытия и возможность существования зефиротов. Объяснение редакции Северной Пчелы, напечатанное в понедельник 3 апреля, <...> почти что не пошло впрок. Его прочитали и поняли, пожалуй что, только те, которые и без того, хоть не сразу, а все-таки уже догадались, что зефироты — шутка для первого апреля, а огромное большинство и по сей час находится в уверенности, что рано или поздно, а привезут зефирота в Петербург и станут показывать сперва, конечно, в пассаже, а потом, на масляницу, и на Адмиралтейской площади»¹⁰.

Одоевский узнал о выходе Нестерова не позднее 22 апреля и в этот день с гневом записал в дневнике:

зефироты в буквальном смысле *полороты*, т. е. лишены зубов (наблюдение принадлежит Е. П. Сошкину, которому мы выражаем сердечную признательность за внимательное прочтение исходной версии статьи и ряд ценных замечаний).

¹⁰ Полоротов А. Зефироты и зевороты. С. 9-10.

Моей статьей: «Зефироты» воспользовался какой-то спекулянт, издал ее, перепечатав почти всю, и прибавив сцену купцов, собирающихся послать в Америку за зефиротами и показывать их в Петербурге. И политипаж сделали. Назвал он по своему прибавлению: «Зефироты и Зевороты» (вместо «Ротозеи»?); — Панаев первый известил меня об этой спекуляции¹¹.

И. И. Панаев, прибавим, счел нужным не просто известить о «спекуляции» Одоевского, но и сообщить о ней *urbi et orbi* в своем очередном фельетонном обозрении в «Современнике»:

Один из известнейших наших литераторов, имя которого, впрочем, давно не появлялось в литературе (из скромности, мы не назовем его), напечатал в «Северной Пчеле» остроумную шутку-фантазию, вроде идиллии, под заглавием: «Зефироты» (люди-птицы, открытые будто бы между Мексиканским заливом и Великим океаном)... Шутка эта была напечатана 1 апреля. Она возбудила в высших и средних классах петербургского общества много толков; нашлись даже такие господа и госпожи, которые приняли зефиротов серьезно, за действительное открытие... Автор не только достиг своей цели, но совершенным сюрпризом для него — статья его через несколько дней появилась особой брошюрой, с изображением на обертке летящего зефирота (неизвестно, впрочем, какого пола), и с прибавлением о *зеворотах*, и теперь продается на всех петербургских улицах вместе с лубочными картинками и различными книжечками изделия толкучего рынка. Зефироты

¹¹ «Текущая хроника и особые происшествия»: Дневник В. Ф. Одоевского 1859-1868 гг. // Литературное наследство. Т. 22/24. М., 1935. С. 132.

ЗЕФИРОТЫ

и

ЗЪБОРОТЫ.

САНКТПЕТЕРБУГЪ

1861.

ты приобретут таким образом народность, о которой, вероятно, и не мечтал остроумный автор...¹²

Любопытно отметить, что книжечка «Зефироты и зевороты» уже к концу XIX в. считалась библиографической редкостью и в этом качестве упоминается, к примеру, у таких коллекционеров, как А. Е. Бурцев и Я. Ф. Березин-Ширяев¹³. Последний, собиратель достаточно сведущий, хотя и часто подвергавшийся критике за библиофильскую и библиографическую хаотичность, объяснял редкость брошюры цензурными преследованиями: «Этот фельетон <...> обратил на себя всеобщее внимание и подвергся преследованию цензуры. Издателю Пчелы был сделан выговор за напечатание фельетона, наделавшего много шума и толков в публике, а брошюра запрещена. <...> Отдельно изданная брошюра, приписываемая также князю Одоевскому, вследствие запрещения ее сделалась редкою»¹⁴. Иными сведениями о цензурных гонениях, связанных как с мистификацией Одоевского, так и брошюрой Нестерова, мы не располагаем.

Слова Панаева о «народности» «Зефиротов и зеворотов», видимо, отметил и запомнил Ф. М. Достоевский. В статье второй из цикла «Книжность и грамотность» он вскоре пустился в рассуждения о популярности в народе фантастической и приключенческой литературы:

Многие и из благородных, и из служащих, недоученные и малообразованные, тоже читают и ценят

¹² [Панаев И. И.]. Петербургская жизнь: Заметки Нового поэта // Современник. 1861. Т. 86, апрель. С. 512-513.

¹³ При этом библиофилы, не располагая дневником Одоевского (опубликованным лишь в 1935 г.) и не заметив фельетон Панаева либо не поверив ему, зачастую упорно приписывали авторство брошюры Одоевскому.

¹⁴ Березин-Ширяев Я. Обзор книг, брошюр, художественных изданий, гравюр и портретов, русских и некоторых иностранных, находящихся в моей библиотеке <...> СПб., 1896. С. 355.

«Магометанок»; «Зефироты» же, например, действуют не только на низший класс, но захватывают чрезвычайную массу и из высшего, т. е. даже и не из очень малообразованного высшего. Тот, который уже не станет читать и «Магометанку», с наслаждением прочтет «Зефиротов», равно как и все толки о светопреставлении и прочих таких же предметах. В человеке, лишенном всевозможной самодеятельности и принявшем (и по обычаю, и по невозможности принять иначе) предстоящую действительность за нечто крайне нормальное, невообразимо-непреложное и установившееся, естественно рождается некоторое влечение, некоторый соблазн к сомнению, к философствованию, к отрицанию. «Зефироты» и проч., представляя собою факты или возможность фактов, прямо противоположных насущной действительности и глубоко отрицающих ее непреложность и ее гнетущее спокойствие, — чрезвычайно нравятся этой отрицательной точкой зрения средней массе общества и, написанные популярно, дают превосходный способ поволноваться умам, пофилософствовать и насладиться хоть каким-нибудь скептицизмом. Вот почему и простолюдин, и даже пахарь любят в книгах наиболее то, что противоречит их действительности, всегда почти суровой и однообразной, и показывает им возможность мира другого, совершенно непохожего на окружающий¹⁵.

Тем временем «зефироты» Одоевского обрели небывалую популярность в литературных кругах. Поэт, журналист

¹⁵ <Б. п.> [Достоевский Ф. М.]. Книжность и грамотность: Статья вторая // Время. 1861. № 8. Отд. II. С. 124. Нетрудно заметить, что мистификация Одоевского была вполне созвучна постепенно складывавшейся у Достоевского концепции фантастического, сформулированной в мерзейшем юдофобском письме к Ю. Ф. Абаза от 15 июня 1880 г.: «Фантастическое должно до того соприкасаться с реальным, что Вы должны почти поверить ему».

и публицист М. П. Розенгейм уже не нуждался в каких-либо объяснениях, бичуя в «Отечественных записках» «зефиротов “Современника”»¹⁶. В семье придворного архитектора А. И. Штакеншнейдера «Зефиротом» прозвали Н. Г. Помяловского¹⁷. Письма Л. Н. Толстого 1860-х гг., как известно, изобилуют упоминаниями «зефиротов»: Толстой, о чем говорилось выше, называл так жену, свояченицу и племянниц.

По словам домашних Толстого, ошеломительную новость о зефиротах принесла в семью тульская монахиня Марья Герасимовна, крестная мать М. Н. Толстой. «Раз, приехавши из Тулы, она рассказала, что в газетах напечатано, что прилетели огромные — не то птицы, не то драконы, зовут их Зефироты», — вспоминает С. А. Толстая¹⁸. «Раз как-то Марья Герасимовна пришла из Тулы и рассказала, что в Туле прошел слух, что из зефира прилетели какие-то существа, не то звери, не то птицы. Называются они “зефироты”, — уточняет Т. Л. Сухотина-Толстая¹⁹. Хотя Толстой вполне

¹⁶ М-р-ъ [Розенгейм М. П.]. Заметки празднующающегося // Отечественные записки. 1861. Т. 135. Отд. VI. С. 6 и далее.

¹⁷ «Помяловский слыл у нас под именем “Зефирот”, — вспоминала Е. А. Штакеншнейдер. — Что такое “зефирот”, теперь немногие, пожалуй, помнят, и я уже отчасти забыла. Была какая-то мистификация, кажется в “Петербургских ведомостях”, что где-то появились странные крылатые существа, с человеческими обликами, красивые, голубоглазые, с золотистыми волосами, которых зовут зефироты. В тот день, когда эта мистификация была напечатана, в первый раз явился к нам Помяловский и читал ее вслух. И по мере того, как он читал, каждый из слушающих находил удивительное сходство между чтением и описываемым странным существом, конечно, в лице только. Бедный Помяловский, бедный Зефирот! Какой милый был он, сердечный человек, — несчастная страсть к вину сгубила его, он пил запоем» (Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854-1886). М.-Л.: Academia, 1934. С. 292-293).

¹⁸ Толстой Л. Полное собрание сочинений. Т. 83: Письма к С. А. Толстой 1862-1886. М., 1938. С. 39.

¹⁹ Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. М., 1980. С. 34. В своей процитированной выше статье Т. А. Иванова тратит невероятные усилия на

мог узнать о «зефиротах» из периодики, эти характерные свидетельства говорят нам, что мистификация Одоевского шагнула далеко за пределы столицы.

Вплоть до 1890-х гг. упоминания о зефиротах как «выдуманных существах» еще встречались в различных энциклопедических словарях и толкователях иностранных слов; затем зефироты перестали существовать для широкой публики. Лишь в 1963 г. В. Б. Шкловский напомнил о них относительно массовому читателю в биографии Толстого, вышедшей в популярной серии «ЖЗЛ». В 1969 В. И. Безъязычный опубликовал в «Огоньке» забавную заметку, где сравнил толки о зефиротах с «не столь давними разговорами о пресловутом “снежном человеке”»²⁰.

II

Намереваясь уязвить доморощенных энтузиастов криптозоологии, В. И. Безъязычный невольно привел удачное, хотя с функциональной точки зрения и небесспорное сравнение. «Снежного человека» и «зефиротов» Одоевского род-

опровержение «версии» свояченицы Толстого Т. А. Кузминской о том, что писатель самолично прочитал о «зефиротах» в газетах. Между тем, совершенно ясно, что приведенная в воспоминаниях Кузминской фраза Толстого, обращенная к компаньонке тетушки рассказчицы: «Наталья Петровна, вы знаете, я читал в газете, что прилетели птицы зефироты, большие с длинными клювами, невиданные нигде...» — не более чем доброжелательное подтрунивание (см. Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне: Воспоминания. Тула, 1959. С. 197). Никак нельзя исключать, однако, что Толстой напрямую узнал о мистификации Одоевского из периодики: о «зефиротах», как мы видели, так или иначе писали все ведущие журналы.

²⁰ Безъязычный Вл. «Зефирот» — «снежный человек» XIX столетия // Огонек. 1969. № 13. С. 30. В заметке ошибочно утверждается, что рассказ Одоевского был напечатан в «Северной пчеле» за подписью «А. Полоротов».

нят общие черты *чудовищности*. Монструозность зефиротов подана в мистификации в духе классической древности. «В Риме, — замечает М. Бигон, — *monstrum* (этимологически связанный с *monere*, предупреждать) считался предвестником зла, сбоем в работе природы, что могло указывать на какие-либо нарушения в отношениях города с богами»; в особенности это касалось случаев врожденных дефектов. У Аристотеля, напоминает она, «биологическое определение *teras* [урода], греческого эквивалента *monstrum*, заключалось в том, что это “потомок, который не похож на своих родителей”»; монстр — злая деформированная пародия на родителей и предков²¹. Не стоит даже упоминать, что подобное отношение к «уродам» как провозвестникам беды является общим местом многих народных культур. Именно эту прогностическую функцию несет в рассказе первая часть, посвященная описанию ребенка-калеки: его рождение предвещает появление зефиротов, которое в свою очередь есть знак божественного гнева.

В этом смысле Одоевскому удалось добиться искомого эффекта. Вспомним высказывание плачущего мужика из анонимного фельетона в «Библиотеке для чтения»: «Чудные люди с крыльями, батюшка, народились на земле, переставление света скоро шествует!»; на лицах слушателей, отмечает автор, отражаются *ужас и удивление*. Таково же и восприятие старушки-компаньонки Натальи Петровны, услышавшей о зефиротах от Л. Н. Толстого:

— Ай, ай, ай, батюшки! — качая головой, говорила старушка, — не к добру это!

— А что же это значит? — спросил Лев Николаевич с любопытством.

— Да не то к войне, а то и к голоду. Ведь птиц-то и во сне видеть нехорошо, к потере, — глубокомысленно го-

²¹ Beagon M. Beyond Comparison: M. Sergius, Fortunae victor // Philosophy and Power in the Graeco-Roman World: Essays in Honour of Miriam Griffin. Oxford University Press, 2002. С. 127-128.

ворила Наталья Петровна²².

Но эффект ужаса побочен: мысль Одоевского сосредоточена на давно занимавших его вопросах эволюции, вырождения, трансформации. Еще в его утопии «4338 год: Петербургские письма», частично опубликованной в 1835-1840 гг., говорится об исчезновении или измельчании многих современных животных (лошади, например, редуцировались до размера комнатных собачек). Весной 1861 г. эволюционные размышления были тем более актуальны: со дня опубликования «Происхождения видов» Ч. Дарвина не прошло и полутора лет. Происхождение зефиротов двойственно: в рассказе мы находим и описание их самостоятельного размножения, и — в лице безногого и крылатого ребенка, то есть будущего зефирота — намек на рождение их от обычных людей. Иными словами, зефироты представлены и как продукт эволюции, параллельной человеческой, и как результат мутации человеческого рода — мутации, возможно, целенаправленной, а именно божественной или дьявольской²³. Здесь и в других местах рассказа Одоевский избегает развязывания мотивных узлов, предпочитая ответам вопросы и однозначности — амбивалентность. Но как бы то ни было, Одоевский, похоже, одним из первых в мировой фантастике затронул тему явления нового биологического вида, грозящего человечеству порабощением²⁴.

Обращаясь к конструированию своих химер, Одоевский естественным образом вновь прибегает к арсеналу классической античности. Его источник — так называемые «чудеса Индии», «плиниевы народы»: монструозные расы, обитавшие у дальних пределов известного мира и описанные

²² Кузминская Т. А. Моя жизнь... С. 197.

²³ Что стало, разумеется, одним из основных мотивов всей литературной и кинематографической фантастики XX-XXI вв.

²⁴ В четвертой части «Путешествий в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера» (1726) одичавшие люди-йеху подчинены благородным и многомудрым гуингнмам, однако господство гуингнмов ограничено их страной и они не угрожают людям экспансией.

в «Индиках» Ктесия Книдского и Мегасфена, дошедших до нас в пересказах, в «Географии» Страбона, «Естественной истории» Плиния Старшего, у Солино и других авторов. Среди этих воображаемых чудовищ внимание Одоевского привлекли *астомы* (букв. «безротые»). Вот как, со ссылкой на Мегасфена, описывает их Плиний:

У крайних границ Индии на востоке около истока Ганга обитает племя астомов, не имеющих рта, мохнатых по всему телу, покрывающих себя пухом листьев и питающихся только испарением и запахом, который они втягивают в себя носом. У них нет никакой пищи и никакого питья, только разнообразные запахи корней и цветов и диких яблок, которые они носят с собой во время долгого пути, чтобы не терять обоняние. От немного более тяжелого запаха они легко лишаются дыхания²⁵.

«Монструозные расы <...> как и все чудовища, отражают культурные признаки “инаковости”, — пишет по этому поводу А. Райт. — Поскольку воплощенные ими трансгрессии буквально отражены их телами, они являются ярким и прямым примером исторического функционирования человекочудовищ как олицетворения нарушений социального, морального или онтологического порядка вещей»²⁶.

²⁵ Nat. hist. VII. 25. Пер. А. Н. Маркина. Страбон, описывая астомов по Мегасфену (XV.1.57), приводит их как один из примеров недостоверных вымыслов (II.1.9). Представления о «чудовищных расах», однако, были настолько распространены в Средневековье, что Плано Карпини без всяких оговорок пересказывал сведения монголов о народе паросситов, питающемся в основном запахом вареного мяса (Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 48).

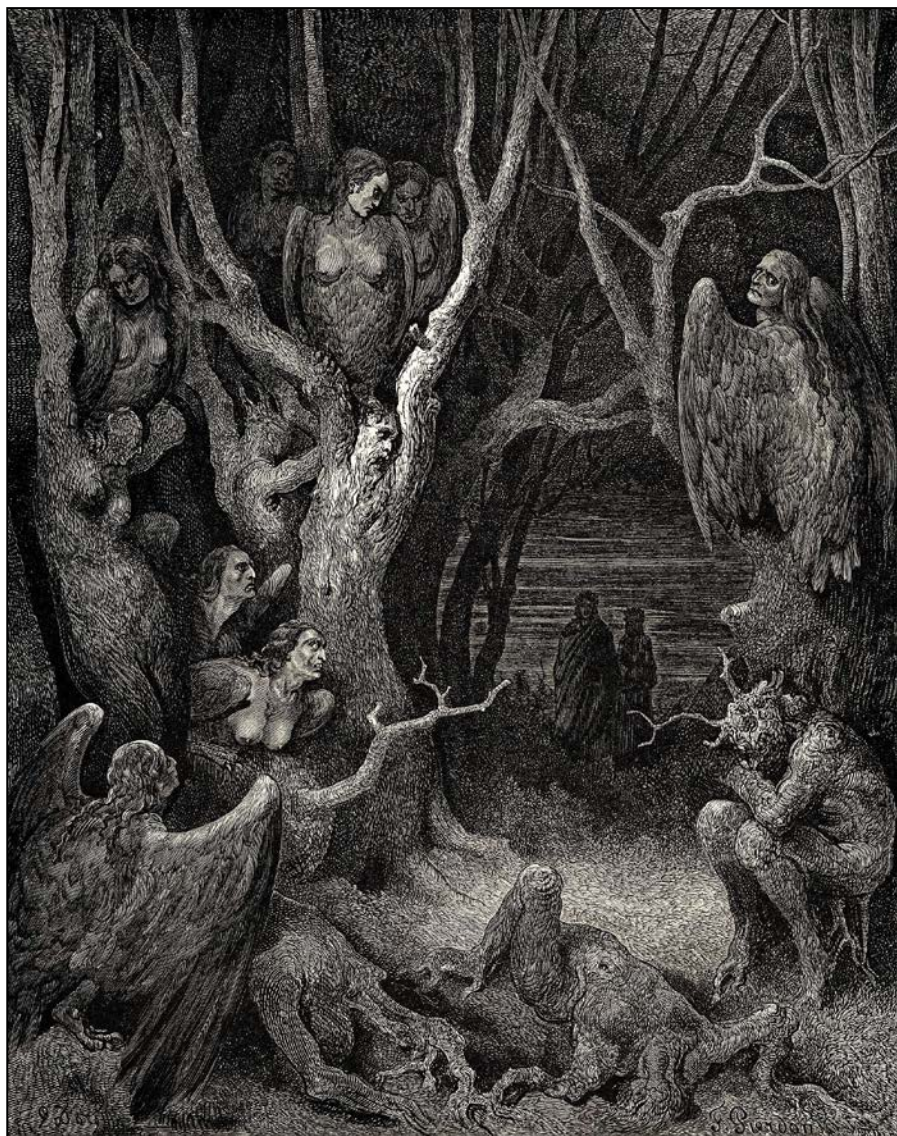
²⁶ Wright A. Monstrosity: The Human Monster in Visual Culture. London-N.Y., 2013. С. 16. О «плиниевых народах» см. Friedman J. B. The Monstrous Races in Medieval Art and Thought/ Cambridge, 1981. Отрывок из этого труда имеется в кн. Classic Readings on Monster Theory: Demonst-

Другой составной частью зефиротов стали античные и средневековые гарпии, изображавшиеся с женскими торсами и головами и птичьими крыльями и ногами. Зефироты Одоевского, однако, лишены подчеркнутых еще в книге III «Энеиды» Вергилия отличительных признаков гарпий — зловония и прожорливости. Вместо этого прелестную зефиротку, очаровавшую Игнация, овеивает «особого рода обворожительная атмосфера, похожая на тонкий свежий запах цветника при восходе солнца». Напротив, зловонными кажутся зефиротам обычные люди, их жилища и города; людская пища и способ ее приема вызывают у зефиротов удивление и отвращение (крайне распространенная культурная демаркация «Другого»).

В данном случае вновь сказывается амбивалентность зефиротов: Одоевский не мог не учитывать прекрасно знакомых его читателям иконографических коннотаций и ангелов, и крылатых демонов. «Ангелическое» восприятие зефиротов звучит в отзыве И. И. Панаева, увидевшем в рассказе Одоевского нечто «вроде идиллии». Е. А. Штакеншейдер зефироты запомнились как ангелоподобные существа, «красивые, голубоглазые, с золотистыми волосами». В тексте и в самом деле говорится, что лица зефиротов красивее, чем у обычных людей, однако глаза у единственной подробно описанной зефиротки черные, волосы же темно-русые. Ангелическую ипостась зефиротов подчеркивают и способы зачатия и деторождения, с человеческой точки зрения «невинные» и даже «непорочные». И все же, решившись поцеловать красавицу-зефиротку, Игнаций совершает акт сексуальной и даже религиозной трансгрессии, за что наказывается изгнанием из очарованного рая крылатых созданий²⁷.

gare. Vol. I. Leeds, 2018, которая может послужить полезным введением в современные концепции «чуждости».

²⁷ В одном из стихотворений Ф. Петрарки (Canzoniere CXCI) поэт, уподобляя себя уже знакомым нам астомам, говорит, что готов удовлетвориться лишь созерцанием возлюбленной, как вечная жизнь — лицезрением Бога. Ср. также изгнание Гулливера как «низшего», хотя и рефлектирующего существа, из мира гуингнмов у Свифта.

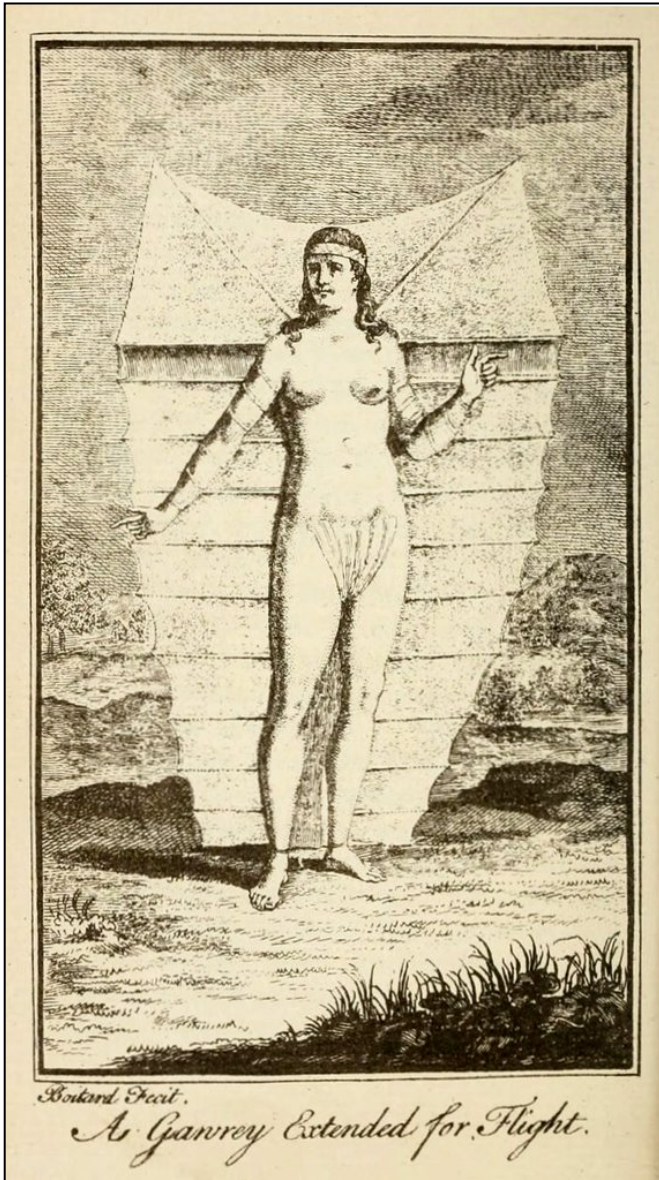

Гарпии в изображении Г. Доре (иллюстрация к «Божественной комедии» Данте). «Ад» с иллюстрациями Доре впервые вышел в свет в Париже в 1861 г., в год публикации «Зефиротов».

Любовная история Игнация разворачивается на широком фоне общеромантического и уходящего в глубокую древность нарратива «любви к Иному» (любви между человеком и ангелическим или демоническим созданием, химерой, элементом²⁸ либо между «цивилизованным» европейцем и прекрасной «дикаркой»). Вместе с тем, в выборе внешнего облика зефиротов и любовном мотиве, очевидно, сказались также некоторые собственно фантастические претексты. Одоевскому, в частности, мог быть известен навеянный Д. Свифтом и Д. Дефо роман адвоката и писателя Р. Палтока (1697-1767) «The Life and Adventures of Peter Wilkins, a Cornish Man» («Жизнь и приключения Питера Уилкинса, корнуэльца»). Со времени первого издания в 1750 г. этот роман неоднократно переиздавался и был переведен на французский (1763) и немецкий (1767) языки. В XIX в. «Питера Уилкинса» высоко оценили английские романтики, причем книга легла в основу ряда мелодрам и пантомим.

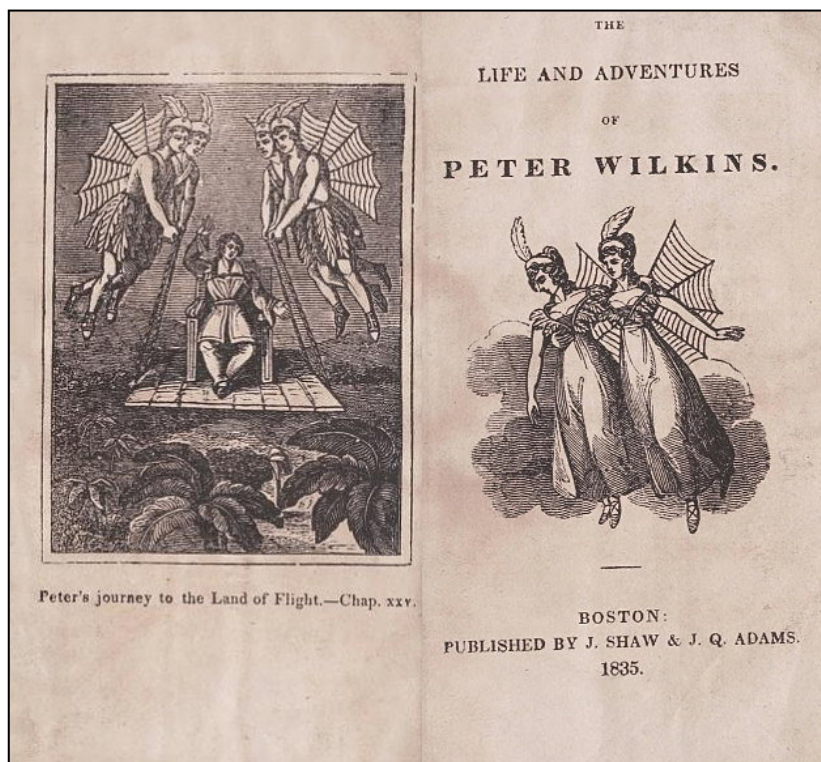
Герой Палтока, претерпев различные приключения (пребывание в плену у французских пиратов и рабстве в Африке, драматическое бегство, кораблекрушение, жизнь на необитаемом острове и т. д.), женится на спасенной им прекрасной Юварки (Youwarkee). Юварки — гаури (gawry), летающая женщина. Палток уделяет несколько страниц детальному описанию анатомического устройства ее тела с раскрывающимися спинными отростками и летательной мембраной-граунди (graundee), которая при необходимости может служить соплеменникам Юварки и своеобразной лодкой. Супруги, у которых успевают родиться сыновья, отправляются затем на остров Носмндсгрутг, населенный гаури и глуммами, крылатыми мужчинами, причем

²⁸ Явственна связь с ранней романтическо-мистической повестью Одоевского «Сильфида» (1837), где место зефиротки занимает стихийный дух. Игнаций упоминает непреодолимое «очарование» крылатого создания, намекая, что зефиротка наделена чем-то подобным *glamour* фейри. Однако у нас нет оснований утверждать, что зефироты мыслились автором как безусловно сверхъестественные создания.

«Гаури, подготовившаяся к полету». Гравюра Л. П. Буатара к
первому изданию романа Р. Палтока (1750).

Уилкинс убеждает короля острова отменить систему рабства (как мы увидим ниже, важный мотив в разрезе рассказа Одоевского). После смерти возлюбленной Юварки опечаленный Уилкинс решает вернуться в Англию, но умирает, едва добравшись до Плимута.

Титульный лист и фронтиспис сокращенного бостонского издания «Питера Уилкинса» (1835)

Одоевский, питавший обостренный интерес к естествознанию, безусловно не мог пройти мимо знаменитого научно-фантастического розыгрыша Р. А. Локка (1800-1871), ко-

торый получил название «Великой лунной мистификации» и считается самой масштабной и влиятельной мистификацией такого рода в истории. В серии статей, опубликованных в нью-йоркской газете «The Sun» на исходе лета 1835 г., Локк описывал открытия, якобы совершенные на Луне с помощью усовершенствованного телескопа прославленным астрономом Д. Гершелем; в числе прочего, изобретательный мистификатор знакомил читателей с диковинными лунными животными, городами Луны и крылатыми селенитами, отнесенными Гершелем и его ассистентами к роду «*Vespertilio-homo* или Двурукий нетопырь» (по утверждению Э. По, крылья обитателей Луны были «буквально копией с описания крыльев летающих островитян Питера Уилкинса»). Европу наводнили переводы отдельного издания статей Локка и самостоятельные книжечки о жителях Луны. Перевод на русский язык, сделанный с немецкого и озаглавленный «О жителях Луны и о других достопримечательных открытиях, сделанных астрономом Сир-Джоном Гершелем, во время пребывания его на Мысе Доброй Надежды» вышел в Петербурге в 1836 г., вызвав резкую отповедь В. Г. Белинского (назвавшего розыгрыш надругательством над наукой и «святотатством») и большую критическую статью О. И. Сенковского²⁹. Здесь мы видим ту же связь крылатых существ и научно-фантастической мистификации.

Непосредственно же к написанию рассказа Одоевского явно подтолкнула статья Н. Н. Страхова «Жители планет»,

²⁹ См. откомментированное переиздание: О жителях Луны и других достопримечательных открытиях. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2020, куда вошли и упомянутые статьи. «Библиотека для чтения» под редакцией Сенковского продолжала пристально следить за развитием событий: в 1836 г. в журнале было опубликовано «Письмо Гершелля о мнимых открытиях на Луне» (Т. 17, Ч.2. № 32, август. VII. Смесь. С. 45-46), в 1837 г. — «Два письма сир Джона Гершелля» о реальных астрономических открытиях с упоминанием мистификации (Т. 21. Ч. 1. № 39, март. VII. Смесь. С. 13-17).

Гаэтано Дурра. «Лунные обитатели». Литография из «лунной» сюиты. Неаполь, 1836.

опубликованная в январе 1861 г. в первом номере журнала братьев Достоевских «Время» и сопровождавшаяся многочисленными критическими откликами³⁰. Она-то и предопредила и крылатость «зефиротов» Одоевского, и всю направленность рассказа. Поскольку соответствующий отрывок приведен нами в приложении, мы не станем утомлять читателя пересказом положений Страхова, каковой с утомительным пафосом и немалым презрением к птицам³¹ доказывает невозможность и ненужность для человека крыльев. Отметим лишь, что в статье Страхов цитирует высказывание зоолога и геолога С. С. Куторги (1805-1861): «Почему вы знаете, что после нас на земле не явятся, например, люди с крыльями? Они будут летать, а не ходить; а летать гораздо лучше, чем ходить!» Отсюда фраза Одоевского из сопроводительного письма к рассказу: «вопрос о возможности *новой породы людей* уже был затронут наукою». Одоевский полемизирует с пылким антропоцентризмом Страхова и конечным выводом философа относительно неоспоримого превосходства физического строения человека над телесным устройством всех прочих созданий природы. Человек, пишет Страхов, боролся с самим царем зверей, львом, «и истреблял его гораздо прежде, чем поумнел до того, что выдумал порох». Для Одоевского на первом месте стоят силы эволюции: в облике зефиротов он выстраивает эволюционный конструкт, который не только превосходит человека, но и не страшится никакого пороха.

В этой курьезной полемике о достоинствах крыльев Одоевский мог опираться и на фантастический роман Н. Ретифа де ла Бретона «Южное открытие, произведенное

³⁰ Страхов Н. Н. Жители планет // Время. 1861. Том 1. № 1, январь. Отд. II. С. 1-56 отдельн. паг. Статья вошла затем как составная часть в кн. Страхова «Мир как целое: Черты из науки о природе» (СПб., 1872). Некоторые отклики см. в: Тоичкина А. В. Статья Н. Н. Страхова «Жители планет» в творчестве Ф. М. Достоевского 1860-1870 гг. // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 22. СПб., 2019. С.

³¹ Последние у самобытного философа «шныряют» по воздуху и живут «воровством, подхватывая себе добычу то в одном, то в другом месте».

II. Vol. 418.

Les Hommes-oiseaux

Люди-птицы. Гравюра Л. Бине к первому изданию романа Н. Ретифа де ла Бретона «Южное открытие, произведенное летающим человеком» (1781).

летающим человеком, или французский Дедал» (1781, сокращенный русский перевод 1936). Именно наличие крыльев — правда, искусственных — позволяет Викторину, герою романа, стать властелином колониальной империи южных земель. В романе, добавим, содержатся описания многочисленных существ, представляющих собой гибриды человека и животных, в том числе «людей-птиц», а также фривольные рассуждения о «невозможной любви», в данном случае между обычным человеком и великаншей.

Еще одна фраза из письма Одоевского к Мельникову-Печерскому также нуждается в пояснении: «Между строк этой статьи находится, как увидите, намек на теорию Южных Американских штатов». Речь идет, как можно догадаться, о возникновении в феврале 1861 г. Конфедерации Штатов Америки и назревающей гражданской войне в США. В том же феврале произошло и другое судьбоносное событие — встреченная Одоевским с восторгом отмена крепостного права в России. Напрашивается заключение, что «между строк» в «Зефиротах» проходит тема *рабства*, безусловно занимавшая мысли Одоевского в период написания рассказа.

Попытка рассмотрения рассказа как «иносказания», напрямую связанного с крестьянской реформой, уже была сделана в давешней статье С. Анкерия. К сожалению, то было покушение с негодными средствами. «Разыгралась великая трагедия: крестьянам, жившим от земли, достался в удел “воздух” (ветерок, *зефир*, откуда и название *зефироты* <...>) — утверждает автор. — Владимир Федорович вооружился едкой сатирой и вот, ровно за сорок дней, сотворил великолепную картину о новых существах, зефиротах, которые летают и поют, а пищу земную отвергают с пренебрежением, оставляя ее паразитам-помещикам»³². Подобная интерпретация видится на редкость ошибочной; даже если следовать логике Анкерия и искать в рассказе аллегорию «паразитов-помещиков», то это, конечно же, птицелюди-зефироты, что «не сеют и не жнут», а только

³² Анкерия С. Зефироты Льва Толстого... С. 161.

парят в небесах, превращая обычных «земных» людей, этих крестьян от сохи, в подневольных батраков. Но Одоевский далек от такого рода примитивных аллегорий. «Зефироты» скорее представляют собой некое размышление о биологической обусловленности рабства и мистических законах мироздания. *Homo sapiens* подчинен в рассказе эволюционным механизмам природы, как сама природа — высшим небесным началам. В сущности, природа лишь бесконечно создает в себе подобия основополагающих принципов мироустройства, лежащих — как подсказывает нам подчеркнутая амбивалентность зефиротов — вне категорий добра и зла.

Вывод этот мы делаем на основе происхождения титульного слова «Зефироты», столь неверно истолкованного в цитируемой выше статье. Приведенное толкование, надо сказать, достаточно распространено. «В слове этом есть что-то воздушное и нарушающее покой», — сообщает нам В. Б. Шкловский³³. «Слово зефироты (мн. ч.) образовано от слова зефир (франц. *zéphir*, лат. *zephyrus* от греч. ζέφυρος) — “легкий ветерок”; “западный ветер”» — пишет В. М. Шетэля³⁴. «Зефироты — авторское новообразование Одоевского», — заявляет Т. А. Иванова³⁵. Но, какими бы соблазнительными и очевидными ни представлялись подобные трактовки, необходимо помнить, что Одоевский был весьма начитан в масонской и в целом мистической литературе. Слово «зефироты» он отнюдь не изобрел, как и не произвел его от «зефира», хотя изящно учел кажущуюся этимологию. В корпусе масонской и мистической литературы на русском языке еще с XVIII в. искаженное «зефироты» использовалось для обозначения каббалистических *сфирот* (божественных

³³ Шкловский В. Лев Толстой. М., 1963 («Жизнь замечательных людей»). С. 424.

³⁴ Шетэля В. М. Лингвистический комментарий в курсе РКИ: Названия мифических существ в русской литературе XIX века // Актуальные проблемы обучения русскому языку как иностранному и русскому языку как неродному. М., 2015. С. 161.

³⁵ Иванова Т. А. Зефироты В. Ф. Одоевского... С. 26.

атрибутов или эманаций)³⁶. Это употребление мы находим на протяжении всего XIX и первых десятилетий XX в.³⁷, и данное обстоятельство сразу должно было подсказать читателям, что рассказ следует воспринимать в сложном мистическом и несколько шелленгианском регистре³⁸.

Однако мало кто из современников, похоже, заметил в «Зефиротах» эти мистическо-естественнонаучные смыслы. Проницательней других оказались поэт-юморист, публицист, мемуарист и собиратель материалов о Лермонтове П. К. Мартыанов (1827-1899), который связал пришествие зефиротов с распространением спиритических настроений³⁹, и тогда еще

³⁶ Вместе с тем, в масонских рукописях можно обнаружить и «сфирот», и «сефироты».

³⁷ Ср. в «Глоссолалии» А. Белого (1922): «Страны света спустились лучами из древнего солнца: на зефиротах лучах (зефиротами “Sepher Ieziga” зовет лучи мудрости)» или в маргиналии В. Я. Брюсова (1920), обращенной к В. Ф. Ходасевичу и персонифицирующей в «зефиротах» божественные сущности: «Иль неблагосклонны / К Владе Зефироты?» (Немирова М. А. Автографы из старого альбома: Альбом автографов поэтов серебряного века Брониславы Рунт (1885-1983) из коллекции Государственного музея В. В. Маяковского. М., 2006. С. 40).

³⁸ Как отражение неизбывного «шеллингизма» Одоевского «Зефиротов» рассматривал И. И. Замотин, замечая: «Одоевский вникает в природу, занимаясь естественными науками, но природа для него интересна постольку, поскольку она, как “неразвитая, бессознательная интеллигенция”, скрывает в себе нечто духовное, поскольку она есть “лестница, по которой дух поднимается к самому себе”; поэтому Одоевский любит в мечтах представлять себе природу будущего, когда в этой “бессознательной интеллигенции” все более и более будет сознаваться и сказываться духовное начало» (Замотин И. И. Романтизм двадцатых годов XIX стол. в русской литературе. Т. II. СПб.-М., 1913. С. 399-400). Взгляд этот резко критиковался П. Н. Сакулиным, см.: Федотова П. И. «Не умирает сотворенное мною...»: Сакулинский труд о В. Ф. Одоевском // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2005-2006 год. СПб., 2009. С. 39).

³⁹ Отрывок из стихотворения Мартыанова «Новогодняя ночь» (Мартыанов П. Вешние всходы: Стихи, эскизы, наброски и песни. СПб., 1872. С. 135-136) см. в приложении. Упоминаемые в нем Давенпорты — братья Айра (1839-1911) и Уильям (1841-1877) Давенпорты, американские фо-

не одиозный критик и беллетрист В. П. Буренин (1841-1926). Последний в известном смысле адекватно истолковал зефиротов Одоевского как своеобразный гибрид ангелов и творящих небесных сил, однако в повести «Недавняя история» («Санкт-Петербургские ведомости», 1873) создал жестокую пародию и на рассказ, и на другие произведения Одоевского, в особенности его эсхатологические прозрения наподобие вставной новеллы «Последнее самоубийство» в «Русских ночах» (1844)⁴⁰. Главный персонаж повести Буренина, спившийся попрошайка Жан Провиантов, рассказывает собеседнику-писателю содержание своей поэмы «Пеликан на развалинах мира», «творения веков», которое «читал и превозносил сам Александр Сергеевич Пушкин»:

«Начало удивительно: в прологе хоры зефиротов поют о том, что вселенная есть тлен и внимания в ней достойно только одно — перси девы. Затем представляется поэт лежащим на этом драгоценном даре — я разумею перси девы — и поющим гимн счастья под аккорды томных вздохов возлюбленной. В это время в природе рокочут соловьи и расцветают розы...» Но «вдруг раскатывается гром, блещит молния. Пролетает палящий самум и уничтожает весь мир. Но поэт и его возлюбленная остаются на одном высоком пике, и невредимые глядят оттуда на общую гибель разрушения. Сначала они ужасаются, но потом благодарят небо за то, что оно спасло их среди всеобщей гибели,

кусники, выдававшие себя за спиритов, но неоднократно разоблачавшиеся как шарлатаны.

⁴⁰ Пародируются и другие фантастические произведения: так, как напомнил нам Е. П. Сошкин, поедание плоти возлюбленного в обстановке конца света восходит к «Ученому путешествию на Медвежий остров» Сенковского (1833), где рассказчик съедает таким образом свою умершую жену. Далее эпизод из повести Буренина приводится в изложении В. В. Виноградова (Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 593-594).

и снова падают в объятия друг к другу. Однако протекают часы, поэту и его возлюбленной хочется есть. А есть нечего, потому что все погибло: все, что цвело и росло, жило и дышало. Остались одна завядшая роза на груди возлюбленной и два листка, которыми они прикрыли наготу». Спасшиеся от гибели представители человечества «съедают сперва розу, потом листки. Но от этого их тошнит. Алкание еще более усиливается». Возлюбленная подруга, «как создание более нежное, натурально, начинает умирать с голода. Поэт в отчаянии хочет сбросить и себя и возлюбленную с пика; но внезапно его осеняет мысль: он начинает, как пеликан, терзать свою грудь и кормить возлюбленную собственным сердцем. Возлюбленная питается, но натурально с деликатной осторожностью». Зефироты, увидев эту картину кормления женщины кусками сердца любовника, были «поражены силою любви поэта и решаются вновь возродить мир для того, чтоб в нем жили эти два высокие существа». Вся природа расцветает, поют соловьи, возлюбленные снова падают в объятия друг к другу. «Небесная гармония»...

Приложения

1. Н. Н. Страхов. Из статьи «Жители планет»

Понятие об иной жизни, отличной от человеческой, глубоко и крепко коренится в человеческом духе. Как легко видеть, оно имеет значение величайшей важности, потому что неразрывно связано с тем смыслом, какой мы придаем нашей земной жизни. Поэтому фантастические, бесконечно разнообразные представления *иной жизни*, которыми от древности и до наших дней сопровождается история человеческого мышления, все имеют положительное значение, все могут быть истолкованы как светлый или темный фон, на котором резко рисуются формы нашей земной, человеческой жизни. Это царство теней, эти блестящие и мрачные призраки толпятся вокруг человека как будто только для того, чтобы среди них тем осязательнее и выпуклее выдалась его действительная, непризрачная фигура. Таким образом, мы строим эти существа на основании понимания нашей жизни, и следовательно, вопрос о жителях планет должен обратиться в следующий: можем ли мы так понимать нашу жизнь, так смотреть на нее, чтобы, выходя из этого взгляда, можно было правильным образом населить планеты?

Вопрос обширный в высочайшей степени. Чтобы видеть, как он решается и возможно ли его решение, мы можем, впрочем, остановиться на каком-нибудь частном случае, взять какой-нибудь отдельный образчик этой иной жизни, которую мы ищем. Другими словами — начнем населять планеты, возьмем те образы, которые встречаются у писателей или даже стали ходячими мнениями, и посмотрим, возможны ли они.

Помню, в одном многолюдном ученом заседании зашла речь о том, что, может быть, после нашей геологической эпохи, после нового переворота явятся на земле существа более совершенные, чем люди. Один из членов собрания отвергал возможность такого события, но другой, весьма известный

профессор и притом профессор зоологии, утверждал, что это легко может быть. «Почему вы знаете, — наконец спросил он, — что после нас на земле не явятся, например, люди с крыльями? Они будут летать, а не ходить; а летать гораздо лучше, чем ходить!»

Вот простая и совершенно определенная черта иной жизни. Притом крылатый человеческий образ не есть открытие почтенного профессора; как известно, этот образ есть одна из любимых форм, в которой человек воображает высшие существа. Летать, иметь крылья — всегда было особенно желанным для людей; немало высказано было и жалоб на то, что у нас недостает крыльев.

Но если поэту, художнику или простому мечтателю и позволительно говорить о людях с крыльями, то на подобные речи менее всякого другого сорта людей имеют право именно профессора зоологии. Именно для зоолога человек с крыльями есть нелепость, есть явное противоречие.

Профану в зоологии позволительно не знать, что крыльям птиц у человека соответствуют руки, и потому позволительно привешивать крылья сзади рук; но зоолог должен знать, что нет и никогда не было позвоночных животных с шестью членами; следовательно, зоолог, предполагая крылатого человека, должен предположить, что этот человек без рук, что его руки превращены в крылья. Человек без рук! Не правда ли, что это почти то же, что человек хотя с руками, но без лица? Рука, после лица, есть самая подвижная, самая живая часть тела. Пожатие руки соответствует поцелую; рука так же, как лицо, выражает душу, и потому в ней так же, как в лице, преимущественно проявляется красота. Безрукий человек — крайнее безобразие, не говоря уже о том, что быть без рук значит быть калекою в высочайшей степени, потому что рука есть главный орган деятельности. <...>

Но оставим грубый опыт и эмпирические выводы: путешествуя по планетам или переносясь в грядущие времена, мы, очевидно, не должны ничем стесняться. Тут мы находимся в области чистой мысли, в царстве *возможного*. Итак, пусть у человека будет, кроме ног и рук, еще пара членов,

крылья. Посмотрим, далеко ли мы улетим на этих крыльях.

Часто говорят: птице даны крылья для того, чтобы она летала. Это совершенно несправедливо, потому что одних крыльев мало для того, чтоб летать. Чтобы летание было возможно, нужно сверх крыльев особенное устройство целого тела: вся анатомия животного должна измениться. И действительно, *вся птица* от головы до ног устроена особенным образом, приспособленным к летанию. Подробности птичьей анатомии в этом отношении представляют необыкновенный интерес. Так как летание есть дело трудное, то для достижения его природа употребила все меры, все механические хитрости, какие только возможны; по необходимости она должна была подчинить этой цели все органы. Поэтому-то и неверно сказать, что для летания служат одни крылья. Между тем, очень обыкновенно случается, что, вздумавши представить какое-нибудь существо летающим, мы просто приделываем ему крылья, не изменяя нисколько всего остального.

Итак — если человек желает летать, то его тело должно быть изменено. Укажу здесь на одну черту птичьего тела, которая прямо бросается в глаза. Тело птицы существенно отличается тем, что образует округленную сплошную массу, без видимых разделений. Шея с головою и ноги имеют очень малый размер в сравнении с туловищем, в котором сосредоточена вся тяжесть тела. По законам механики, такая форма необходимо требуется для удобства летания; без нее птица не могла бы управлять своим полетом. Следовательно, давая крылья человеку или лошади, невозможно воображать, что их туловище сохраняет прежнюю форму; оно должно сосредоточиться, образовать неподвижную, округленную массу.

Не правда ли, какое страшное безобразие! Наше чувство вообще невольно возмущается против всякого отступления от прекрасного человеческого образа. Видали ли вы Аполлона Бельведерского?

Лук звенит, стрела трепещет,
И клубясь издох Пифон,

И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон.

Но у него блещет не только лицо, он весь сияет, с головы до ног; олимпийская сила и гордость светится в каждом напряженном мускуле от шеи и до ступней; положение каждого сустава, каждый изгиб дышит и говорит. Каким образом могло бы это отразиться на бессмысленно-круглом туловище птицы? Куда бы девалась эта красота, это видимое и осязаемое проявление силы и смелости?

Человек с туловищем птицы есть нелепость. Но не здесь еще кончается его преобразование, если он вздумает летать. Читатель чувствует, что мы только слегка касаемся здесь вопроса, способного к широкому и математически строгому развитию. Летание есть определенный механический процесс; он возможен только при известных механических условиях. Выводя эти условия одно за другим со всевозможной точностью, мы нашли бы, что тело человека, чтобы подходить под эти условия, должно все более и более приближаться к телу птицы. Таким образом, мы убедились бы, что летать может только птица, и что человек и лошадь, чтобы летать, должны превратиться в птиц.

Укажу здесь только на одно обстоятельство; птицы, вообще говоря, гораздо меньше зверей. Это не есть каприз природы, ее произвольное распоряжение. Нет, это зависит от того, что животные слишком большие, слишком массивные не могут летать, то есть из костей и мускулов, из тяжей и перьев невозможно построить летающее существо, которого вес был бы больше известного предела. Отсюда следует, что если человек желает летать, то он должен уменьшиться до величины какого-нибудь кондора или пеликана. Меньшая величина, по-видимому, не беда; но вместе с уменьшением тела должно произойти и уменьшение мозга, а иметь в голове мало мозга, как известно, есть истинное несчастье, бедствие невознаградимое.

Что же мы выведем из всего этого? Птицами нам быть вовсе не хочется, мы хотели бы остаться людьми и только получить способность летать. Если же мы готовы отказаться-

ся от летанья, лишь бы остаться людьми, то спрашивается, ужели человеческие движения имеют такое низкое значение, что мы должны завидовать движениям птицы, ее полету? Почему упомянутый выше профессор зоологии провозгласил с такою уверенностью, что летать лучше, чем ходить?

Решить, что лучше и что хуже — дело вовсе не легкое; приниматься за такой вопрос легкомысленно и торопливо вовсе не следует. Очевидно, преимущество птицы перед человеком состоит в *скорости* передвижения. Но разве скорость единственное достоинство движений? Разве можно сказать, что чем движение скорее, тем оно лучше? Скоро, да не споро, тише едешь — дальше будешь, говорит русская пословица. И действительно, достоинство движений состоит главным образом не в скорости, но в том, что содержится в самих движениях, что ими достигается. *Сила* движений, их *свобода*, их *многообразие* гораздо важнее, чем скорость. И легко убедиться, что человек в этом отношении превосходит всякую птицу. Принимая в соображение тяжесть человека, мы найдем, что и поступь его в высочайшей степени легка и быстра, но сверх того, нет ни одного животного, которое бы во время передвижения до такой степени свободно владело своим телом, как человек. Птица совершенно поглощена своим полетом; делать что-нибудь на лету она не может. Между тем, человек, передвигаясь с места на место, в то же время может свободно и сильно действовать всеми верхними частями своего тела. Ни одно животное не способно к таким разнообразным движениям, как человек. На этом основана гибкость, разнообразное расчленение, стройное соотношение многих частей — те черты, которыми резко отличается человеческое тело и которые так восхищают нас в его прекрасных образцах. В человеке природа разрешила высокую механическую задачу — сочетать наибольшую легкость движений с наибольшею их силою и свободою и с наибольшим разнообразием. Птицам завидовать нам не в чем.

Да и зачем нам крылья? Так иногда вздумается — хорошо бы полететь да сесть на крест Исакия, чтобы взглянуть оттуда на Петербург; или вдруг захочется от скуки сле-

тать в Одессу, нечаянно влететь в окно к старинным знакомым и спросить их: «Ну, как вы здесь поживаете?» Но чтобы вообще мы имели склонность к воздушной жизни, этого нельзя сказать. Мы вовсе не желаем беспрерывно шнырять по воздуху, жить воровством, подхватывая себе добычу то в одном, то в другом месте, ночевать на скалах, на деревьях или на вершинах церквей и башен. Если же так, то для чего же бы мы стали подниматься на воздух и что бы мы такое важное стали там делать? Очевидно, если бы мы имели крылья, то сохраняли бы их только на случай капризов или чересчур хорошей погоды, а в обыденной жизни пользовались бы ими разве как опахалами.

Итак, мы должны отказаться от крыльев как для существ нового геологического периода, так и для жителей планет, если вздумаем населять их не одними птицами, но и человекоподобными существами. Впрочем, беда была бы небольшая, если бы пришлось отказаться от одних крыльев; но читатель, вероятно, заметил, что мы вообще не смеем изменять человеческого образа. Не потому только, что всякое изменение было бы безобразием, было бы нарушением той чарующей красоты, которую некоторые стараются объяснить простою, т. е. пустою привычкою, но также и потому, что, изменяя фигуру, мы существенно нарушаем механические условия строения тела, следовательно, искажаем всю *физическую* деятельность существа. Произвольно изменяя форму человеческого тела, мы не только создадим безобразные чудища, но мы сотворим калек, бессильных, немощных уродов. Если же при своих созданиях мы будем строго следовать законам механики, то, во всяком случае, мы не можем изобрести новые человекоподобные или превосходящие человека образы, но непременно придем к формам животногоподобным, следовательно, низшим даже в механическом отношении. В самом деле, не нужно обманываться тем, что животные часто отличаются страшною силою, быстротою, легкостью движений. Легко убедиться, что здесь нет преимущества перед человеком именно потому, что в этих свойствах обнаруживается механическая *односторонность* животных. Лев — царь зверей, несмотря

на то, что есть многие животные больше, сильнее и быстрее его. Человек же имеет преимущество над самим львом: он боролся с ним и истреблял его гораздо прежде, чем поумнел до того, что выдумал порох.

2. П. Мартьянов. Из стихотворения
«Новогодняя ночь»

Что ж?.. мыслители «Русского слова» любовь
Ведь нашли же излишним комфортом...
Им сигара нужна лишь... а ежели кровь
Вспыхнет — можно сходить к Давенпортам.

Давенпорты введут вас в неведомый мир,
Где витают бесплотные силы,
В этом мире и ласка, и нега — эфир,
В этом мире любовь — до могилы...

Можно, в нем полюбивши, любить без конца,
В колебаниях бесследных эфира
Нежной страсти предавшись, разить все сердца
Бестелесного гордого мира.

Порождать теплоту, порождать магнетизм,
Электричество, свет, притяженье...
О! для этого можно принять спиритизм,
И к нему лишь питать уваженье.

Ведь чрез это, быть может, у нас, на земле,
Улучшится людская порода,
Народятся по «Пчелке», в несметном числе
«Зефироты» различного рода.

Лучше нас зефироты, быть может, поймут —
Что мыслители «Слова» желают,

И науку, искусство навек погребут,
А изящество, вкус — расстреляют.

Уничтожат солдатчину, жизни дадут
Социальные строй и значенье,
И, финансы поправив, повсюду введут
Право общего в благе владенья...

Пунктуация всех приведенных в издании текстов приближена к современным нормам. На фронтиспise — портрет В. Ф. Одоевского работы А. Покровского (1844). В оформлении книги использован рисунок С. Владимирова.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.